
Л.В. Столярова

«...ИДЕТ ВОЙНОЮ САМ ВЕЛИКИЙ КРЫМСКИЙ ХАН...»:
ПОХОД КАЗЫ-ГИРЕЯ НА МОСКВУ ЛЕТОМ 1591 г.
В КОНТЕКСТЕ ДИНАСТИЧЕСКОГО КРИЗИСА В РОССИИ
КОНЦА XVI — НАЧАЛА XVII в.

Исследование посвящено походу крымского хана Казы-Гирея на Москву в июле 1591 г. Рассматриваются мероприятия правительства царя Федора Ивановича в подготовке обороны столицы. Особое внимание сосредоточено на деятельности Бориса Годунова, направленной на смещение акцентов с «измены Нагих» и гибели царевича Дмитрия в Угличе на предпринятые им меры для защиты Москвы от крымчаков. В статье показано, как в контексте развития династического кризиса накануне Смутного времени правительством Федора Ивановича делается попытка предотвратить распространение слухов об участии Годунова в убийстве царевича, поджоге столицы и «наведении» на Москву войска Казы-Гирея.

Ключевые слова: Россия накануне смутного времени, Крымское ханство, династический кризис, Борис Годунов, Казы-Гирей, набег на Москву, пожар Москвы 1591 г.

2 июня 1591 г. в выгоревшей в пожарах Москве, в Кремле, Следственная комиссия князя боярина Василия Ивановича Шуйского излагала результаты своей работы, связанной с расследованием гибели в Угличе 15 мая брата царя Федора Ивановича малолетнего царевича Дмитрия. Следственное производство было ускорено не только внутривосточным, но и разразившимся внешнеполитическим кризисом. Одновременным нападением с севера и юга России угрожали Швеция и Крым (Зимин 1986. С. 173–174; Скрынников 1981. С. 86–88). В январе 1591 г. был ограблен направленный в Крым русский посол Бибииков. Уже в мае татары двинулись на Москву, распуслав слух о том, что идут воевать Польшу. Во второй половине июня 1591 г. татары подошли к Москве.

К войне с Казы-Гиреем готовились загодя. Из материалов дела о гибели царевича Дмитрия следует, что дьяк Михаил Битяговский собирал людей для посохи «под город под гуляи», тогда как Михаил Нагой «мно-

гажды с ним бранивался про государево дело, и в тот ден(ь)¹ с ним бранился о посохе, что велел, г(о)с(у)д(а)рь, с них взят(ь) посохи пядесят человекъ, под город под гуляи, и он, г(о)с(у)д(а)р[ь], посохи не дал» (РГАДА. Ф. 148. Оп. 1. Д. 1. Л. 49). Карьера государева дьяка Михаила Битяговского началась с его службы в Казани, где он находился по крайней мере с 1578/79 по февраль 1588 г. В боярском списке 1588/89 г. напротив имени Михаила Битяговского имеется помета «з государемъ». В декабре 1589 г. он сопровождал царя Федора в ругодивском (нарвском) походе (Зимин 1986. С. 172). В 1589/90 г. Михаил Битяговский совместно с кн. Федором Ивановичем Мстиславским составлял десятню по Владимиру. Будучи послан в Углич, он не только фактически ведал управлением уделом, но и занимался обеспечением оборонительных работ на подступах к нему. По-видимому, он контролировал возведение гуляй-города — передвижного полевого укрепления под командованием «гулявого» воеводы, а потому и собирал посоху «под город под гуляй».

Считается, что впервые гуляй-город был использован при взятии Казани в 1552 г. Решающую роль он сыграл в 1572 г. в сражении при Молодях. Собирались применить гуляй-город и для отражения конницы Казы-Гирея. Уже весной 1591 г. тревожные слухи о готовящемся походе крымчаков заставили правительство принимать решительные меры к обороне Москвы. Важнейшим оборонным мероприятием этого времени было возведение гуляй-городов (Флетчер 2014. С. 69–70). Отказ Михаила Нагого предоставить людей под гуляй-город, в то время, когда грозит очередное нашествие татар, вполне тянул на государственную измену. Таковыми в преддверии нападения грозного и опасного врага представлялись бунт в Угличе и Москве. Брожения умов, заквашенные на слухах о насильственной гибели царевича Дмитрия,

Рис. 1. Крымский хан Казы-Гирей.
Fig. 1. Crimean Khan Ğazı Giray.

¹ «И в тот ден(ь)...». — Имеется в виду день гибели царевича Дмитрия, т. е. 15 мая 1591 г. Посоха — одна из форм повинностей тяглового населения в Русском государстве XVI–XVII вв., заключающаяся в поставке посошных людей для возведения укреплений — засечных черт.

в условиях грозящей военной опасности могли отрицательно сказаться на доверии к Борису Годунову как правителю и пополнить активными недоброжелателями стан его врагов (Скрынников 1971. С. 190–191; Зимин 1986. С. 174–175). Образ убийцы брата царя Федора Ивановича мог повредить Годунову и в деле отражения крымчаков. Он, безусловно, отрицательно сказался бы на доверии войска к своему командующему и, соответственно, на боеспособности и боевом духе русского войска. По справедливому замечанию А.А. Зимина, в этом плане личные интересы Бориса Годунова совпали с государственными. Именно поэтому расследование обстоятельств смерти царевича должно было провести в исключительно короткие сроки и с возможно меньшим резонансом. Так оно и вышло. Комиссия Василия Шуйского работала в Угличе не менее 7-ми, но не более 11-ти дней и выехала в Москву не ранее 25, но не позднее утра 30 мая 1591 г.

Вероятно, в ожидании крымчаков были проведены и первые противопожарные мероприятия в Москве в мае 1591 г., когда «в объезде для огня и для всякого воровства» были выставлены специальные люди. Обращает на себя внимание слово «воровство» (т. е. противогосударственная акция, заговор, измена, предательство — СРЯ 1976. Вып. 3. С. 31) в записях разрядных книг в связи с мерами противопожарной безопасности, предпринятыми властями в столице накануне вторжения Казы-Гирея. Оно означает, что изменнических поджогов ждали. Не исключено, что подготовительные к предотвращению возгораний мероприятия в мае–июне 1591 г. в Москве были вызваны памятью о событиях 20-летней давности, когда поход на столицу крымского хана Девлет-Гирея сопровождался пожарами на ее окраинах и имел самые трагические последствия: «Самый город неприятель не взял, но зажег его предместья, которые (состоя из деревянного строения, без камня, кирпича или глины, за исключением немногих наружных покоев), сгорели с такою быстротою, и огонь так далеко распространился, что в четыре часа не стало большей части города, имеющего до 30 миль или более в окружности. Зрелище было ужасное: при сильном и страшном огне, обнявшем весь город, люди горели и в домах, и на улицах <...>; <...> в одно и то же время от огня и давки погибло (как сказывают) 800 000 человек или более. Запалив город и насладившись зрелищем яркого пламени, крымский хан возвратился домой со своим войском и прислал <...> русскому царю нож, чтобы он зарезал себя после такой потери <...>» (Флетчер 2014. С. 75–76).

Дж. Флетчер оставил интереснейшие заметки о взаимоотношениях России и Крыма в конце XVI в. По его сведениям, крымские тата-

ры совершали свои набеги «...один или два раза в год, именно около Троицына дня², но чаще во время жатвы» (Там же. С. 76). Учитывая, что пасхальный предел определяется между 22 марта и 25 апреля и понимая всю условность таких вычислений, установим примерные сроки весенне-летних вторжений крымских татар на территорию Русского государства. Примерным ориентиром для определения вероятной даты военного похода крымчаков является указание Флетчера на Троицын день. Троицын день приходился на период между 10 мая и 13 июня и, вероятно, в период с мая по июль набеги крымских татар были особенно ожидаемы и требовали от правительства специальной подготовки к ним. В 1591 г. Троицу отмечали 23 мая.

Флетчер определенно различал крупномасштабные походы крымских татар, целью которых был поход на столицу, и грабительские походы на окраинные территории Русского государства малыми силами: «когда идет войною сам Великий или Крымский Хан, то ведет он с собой огромную армию в 100 000 или 200 000 человек. В противном случае, они делают кратковременные и внезапные набеги с меньшим числом войска, кружась около границы, подобно тому, как летают дикие гуси, захватывая по дороге все, и стремясь туда, где видят добычу» (Там же. С. 76). Еще в начале мая 1591 г. крымские перебежчики показали, что на Москву Казы-Гирей идет более, чем со 150 000 войском, т. е. «со всей ордой». Помимо крымчаков в походе приняли участие Малая Ногайская орда (Казыев улус), турецкие конные отряды из Очакова и Белгорода, а также янычары. Вторжение сопровождалось движением полевой артиллерии с турецкими пушкарями в придачу (РК 1475–1598. С. 440–441; ПСРЛ. Т. 14. С. 42; Зимин 1986. С. 177–178; Скрынников 1981. С. 89).

Рис. 2. Мелхиор Лорк. Татарский лучник. 1576 г.

Fig. 2. Melchior Lorck. Tatar archer.

² Троицын день (Троица) — праздник, приходящийся на воскресенье, соответствующее 10-му дню после Вознесения Господня или 50-му дню после Пасхи.

10 июня воеводой Василием Вельяминовым из Путивля в Москву был срочно отправлен сторожевой голова Сергей Аptyков, с сообщением о том, что крымский царь «идет на государевы украины Муравским шляхом, а с ним по смете людей с полтораста тысяч и больше». Основная часть русских войск стояла «на берегу», тогда как другая была сосредоточена в районе Новгорода и Пскова (Зимин 1986. С. 178). Получив тревожную информацию, царь Федор велел воеводам Тулы, Деდიлова и других пограничных городов, укрепив их, выдвинуться со всеми людьми «на берег» Оки к главнокомандующему князю Ф.И. Мстиславскому и занять там места «по росписи» (Зимин 1986. С. 178; Скрынников 1981. С. 89). Планировалось остановить татар на переправах через Оку, куда те прорвались, спалив

Рис. 3. Мелхиор Лорк. Татарский воин, 1576 г.

Fig. 3. Melchior Lorck. Tatar warrior, 1576.

предместья Тулы, а затем и Серпухова, 26 июня. Однако правительство Федора Ивановича опасалось прорыва подвижной татарской конницы и выхода ее в тыл русскому войску. Получив соответствующее распоряжение из Москвы, Ф.И. Мстиславский 28 июня отдал приказ об отходе войска на Пахру, чтобы защитить от татар ближние подступы к столице (Зимин 1986. С. 178; Скрынников 1981. С. 89). Оборона Москвы была возложена на Бориса Годунова, в распоряжении которого находились дворовые войска (Зимин 1986. С. 178).

29 июня из сообщения тульского станичного головы Алексея Сухотина, прибывшего к царю Федору, стало известно, что крымский хан «идет к берегу на прямое дело со многими людьми». Сухотин показал, что по следам на дорогах («сакме») и «по огням», он «смечал», что «с крымским царем» движутся на Москву «людей с полтораста тысяч и больше»³.

Татар ждали со стороны Серпухова, поэтому гуляй-город Годунов расположил в Замоскворечье, между Серпуховской и Калужской до-

³ А.А. Зимин отмечал, что данные о численности войска Казы-Гирея в источниках разнятся: 100 000, 150 000 и даже 400 000 человек (см.: Зимин 1986. С. 178).

ФОРМЫ ОБМУНДИРОВАНИЯ. I. (Русскія войска).

Рис. 4. Обмундирование и вооружение русского войска в XVI в.
 Fig. 4. Equipment and weaponry of Russian army in the 16th century.

рогами. 1 июля 1591 г. состоялся смотр русского войска под с. Коломенским. На следующий день Ф.И. Мстиславский двинулся к Котлам, чтобы соединиться с передвижным обозом (гуляй-городом, представлявшим собой своеобразную походную крепость на колесах) Бориса Годунова (Скрынников 1981. С. 89). В обоз были свезены пушки. Артиллерией («нарядом») распоряжался только что вернувшийся из ссылки оружничий Богдан Яковлевич Бельский. Наконец, 3 июля для наблюдений за продвижением татарской конницы был выслан военный отряд в 200 человек, однако уже через два часа дозорный воевода прискакал к обозу израненный и сообщил, что татары переправились через Пахру (Там же). Посланный на Пахру с боевым отрядом воевода кн. Владимир Иванович Бахтеяров был на голову разбит крымчаками.

Федор Мстиславский оставил Котлы и начал движение к Данилову монастырю. Туда же с обозом и артиллерией «дворовой ратью» подошел Борис Годунов. 4 июля в третьем часу дня крымчаки заняли Котлы. По Серпуховской дороге навстречу Казы-Гирею выступили конные дворянские сотни, которые сражались с татарами до глубокого вечера. Однако конные сотни были отброшены, а войско крымского хана вплотную приблизилось к укрепленному обозу Бориса Годунова (Зимин 1986. С. 178; Скрынников 1981. С. 89). Начался штурм гуляй-города.

В оценке дальнейших событий источники расходятся. Р.Г. Скрынников обратил внимание на то, что согласно государеву разряду 1598 г., Казы-Гирей сам подошел к гуляй-городу

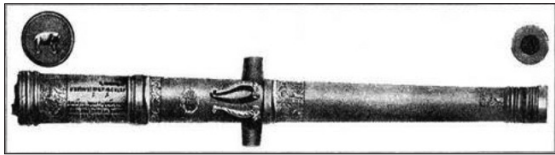

Рис. 5. Пищаль «Медведь». Литейный мастер Семен Дубинин. Москва, 1590 г., бронза. Fig. 5. Bronze Pishchal' (hand cannon) "Medved'"("Bear") made by gunsmith Semion Dubinin. Moscow, 1590, bronze.

«со всеми людми» (Зимин 1986. С. 178; ср.: Скрынников 1981. С. 89). Сражение, продолжавшееся весь день, будто бы закончилось тем, что «...у крымского царя... многих людей побили».

Пространная редакция Разрядных книг рисует иную картину битвы возле Данилова монастыря, которая никак не тянула на генеральное сражение. Согласно этому описанию, Казы-Гирей выслал к русскому гуляй-городу «царевичев со многими крымскими людми», ограничившись лишь «травлей» (отдельными стычками) с русским войском. Из гуляй-города навстречу врагу были выставлены конные сотни, которые «с крымскими людми травились», «... и царь крымской... на премое дело не пошел и полков своих не объявил, а стоял на Котле в оврагах в крепостях» (Скрынников 1981. С. 89). Сведения Нового летописца об этом сражении сводятся к утверждению, что «люди государевы, бияхусь... из обозу и не можаху их одолети; они же, погани, топтаху московских людей и до обозу». Однако имеются и более осторожные свидетельства: «...крымские люди к обозу прилазили, и Бог сохранил, бой был ровно...» (Скрынников 1981 С. 89–90; см. также: РНБ (ОР). Собр. Эрмитажн. № 390. Л. 762 об., 759–761, 766 об., 768, 772; РК 1475–1598 гг. С. 443–444; РГБ (ОР) Муз. № 6033. Л. 264; ПСРЛ. Т. 14. С. 42).

Скорее всего, перестрелка «за Ямскою слободою» от Воробьева до р. Котел, продолжаясь ок. 7 часов, носила в основном беспорядочный характер (Зимин 1986. С. 178). Попытка взять обоз Годунова штурмом не удалась. Казы-Гирей не решился атаковать русские полки главными силами, а отвел свои войска к Коломенскому и разместил их на лугах по обе стороны Москва-реки. Стан Казы-Гирея расположился за Москвой-рекой.

В ночь на 5 июля снова началась стрельба. В лагерь Казы-Гирея под видом сдавшегося в плен дворянина пробрался лазутчик. Он сообщил о том, что ночью в Москву на подмогу русскому войску прибыла немецкая и польская 30-тысячная рать (Масса 1937. С. 38; Временник Ивана Тимофеева 1951. С. 157; Зимин 1986. С. 179). Новый летописец

сообщает, что данные о подмоге («приидоша к Москве многая сила Новгородская и иных государств Московских») поступили сразу от нескольких «полонеников» (ПСРЛ. Т. 14. С. 43). Само по себе тревожное, это известие получило неожиданное подтверждение среди ночи. В русских полках произошел «всполох велий» — прозвучал сигнал тревоги. Тревога была нечаянной, ложной, но она заставила пушкарей в темноте броситься к своим орудиям.

Первыми открыли огонь пушкари гуляй-города. За ними с крепостных стен ударила тяжелая артиллерия «и осветиша городы все от пушек» (об обороне Москвы см.: РК 1475–1598 гг. С. 440–448; РК 1559–1605 гг. С. 267–268; РГАДА. Ф. 123. Кн. 18. Л. 189–190; РНБ (ОР). Собр. Эрмитажн. № 390. Л. 768; Временник Ивана Тимофеева 1951. С. 157–158; ПСРЛ. Т. 14. С. 42–43; Масса 1937. С. 36–38; Анпилогов 1967. С. 41–43; см. также: Зимин 1986. С. 178–179; Скрынников 1981. С. 90–91). Сильнейшая артиллерийская канонада вызвала смятение и панику в стане врага. Татары «бежаху и друг друга топтаху». 7–8 июля, вплоть до самого Серпухова арьергард крымчаков преследовали войска Ф.И. Мстиславского и Бориса Годунова. В плен были взяты по официальным данным 1 000 человек, по другим — 400 или 200. И. Масса писал, что русским удалось захватить «около 70 человек, по большей части холопов господ, намеревавшихся во время осады поджечь Москву» (Масса 1937. С. 38). Запорожские и донские казаки разгромили крымские «коши». Преследовать крымцев за Окой уже не стали. Раненый в руку Казы-Герай «пришел из войны... в ночи в телеге» (Зимин 1986. С. 178–179; Скрынников 1981. С. 91).

Насладиться победой в полной мере Борису Годунову не удалось. Во-первых, после отражения крымчаков по южным окраинам Русского государства разползлись слухи об «убойстве» Дмитрия и о том, что татар «навел» Годунов (Зимин 1981. С. 179). Об этом много говорили в народе («воиде в мысль во многие простые люди украинские, что приведоша царя Крымского под Москву Борис Годунов, бояся от земли про убойство царевича Дмитрея»). Приехавший из Алексина сын боярский Иван Подгорецкий показал, что подобные «словеса» он слышал от своего крестьянина. Последнего схватили и пытали в Москве. На дыбе он назвал распространителей слухов, «... оклеветав много множество людей». По городам «во всей украине» начались расследования, в ходе которых были установлены имена новых злоумышленников и «... множество людей с пыток помроша, а иных казняху и языки резаху, а инии по темницам умираху» (ПСРЛ. Т. 14. С. 43–44). Во-вторых, имени Годунова не оказалось среди имен бояр и воевод, представленных к награде за победу над крымчаками. Согласно царскому указу 10 июля

1591 г., воеводы, участвовавшие в обороне Москвы, получали «государево многое жалование, коемуждо по их достоянию». Все, кроме Бориса Годунова, которого Ф.И. Мстиславский опрометчиво не упомянул в своей реляции о победе. Ему это стоило кратковременной опалы, тогда как Борис Федорович был вскоре «за многие его службы... и за летошний царев приход» вознагражден присвоением ему высокого титула «слуги»: «...шурина же своему Борису Федоровичу Годунову даде свое государево многое жалование и вотчины, ему же пожаловал честь: велел его писати слуга, конюшенной боярин». По меткому замечанию А.А. Зимина, «истинный вклад Бориса в оборону столицы определить трудно, но так или иначе он получил самое большое пожалование» (Зимин 1986. С. 179–180). Выхавший в июле 1592 г. в Речь Посполитую посол Афанасий Резанов разъяснял значение нового титула Годунова: «То имя честнее всех бояр. А дается то имя от государя за многие службы» (Там же. С. 180–181). В действительности титул слуги в конце XVI в. не был выше чина боярина и не давался за заслуги, а был связан с княжеским происхождением своего носителя и наличием у него вотчины — княжения. По мнению А.А. Зимина, наказ А.Д. Резанову был типичным примером «переписывания истории» в интересах правительства Годунова (Там же).

В этих условиях Борису Годунову была крайне невыгодна любая шумиха, поднятая вокруг смерти царевича Дмитрия. Вывод Следственной комиссии Шуйского о том, что «царевичу Дмитрию смерть учинилась божьим судом» как бы лишал остроты вопрос о гибели единственного на тот момент наследника престола. Основное внимание царя Федора Ивановича и участников Освященного собора 2 июня 1591 г. в сгоревшей Москве, ожидавшей набега Казы-Гирея, было обращено не столько к кончине царевича, сколько к «измене» Нагих. Последняя сводилась к «напрасному» побитию в Угличе 15 мая государева дьяка Михаила Битяговского и других приказных людей, стоявших «за правду», а после московских пожаров обещала разрастись в серьезное дело, связанное с разоблачением антиправительственного мятежа.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Анпilogов Г.Н. Новые документы о России конца XVI — начала XVII в. М., 1967. [*Anpilogov G.N.* Novyye dokumenty o Rossii kontsa XVI — nachala XVII v. (New Documents on Russia at the End of the 16th — Beginning of the 17th Century). Moscow, 1967.]

Временник Ивана Тимофеева / Подгот. к печати, пер. и ком. О.А. Державиной. Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1951. [*Vremennik Ivana Timofeyev-*

- va (Ivan Timofeev's *Vremennik*) / Ed. by O.A. Derzhavin, V.P. Adrianova-Peretz. Moscow; Leningrad, 1951.]
- Зимин А.А.* В канун грозных потрясений: Предпосылки первой Крестьянской войны в России. М., 1986. [*Zimin A.A.* V kanun groznykh potryaseniy: Predposylki pervoy Krest'yanskoj vojny v Rossii. (On the Eve the Terrible Bouleversements: the Background of the First Peasant War in Russia). Moscow, 1986.]
- Масса И.* Краткое известие о Московии в начале XVII века / Перев., примеч. и введ. А.А. Морозова; перев. стихов В.А. Зоргенфрея. М., 1937. [*Massa I.* Kratkoje izvestiye o Moskovii v nachale XVII veka. (A Brief Notes about Muscovy at the Beginning of the 17th Century) / Transl., notes and introd. by A.A. Morozov; transl. of the poems by V.A. Zorgenfrey. Moscow, 1937.]
- ПСРЛ. М., 1965. Т. 14: Повесть о честном житии царя и великого князя Федора Ивановича всея Руси; Новый летописец; Указатели к Никоновской летописи (IX–XIV вв.). [Povest' o chestnom zhitii tsarya i velikogo knyazu Fedora Ivanovicha vseya Rusi; Novyy letopisets; Ukazateli k nikonovskoy letopisi (IX–XIV tt). (The Full Collection of Russian Chronicles. Moscow, 1965. Vol. 14: The life of the Tsar and a Great Prince Feodor Ivanovitch; The New Chronicler, Notes to Nikon's Chronicle (Vol. 9–14)).]
- Разрядная книга 1550–1636 гг. М., 1975–1976. Т. 1–2. [Razryadnaya kniga 1550–1636. (The Book of "Razryad" 1550–1636). Moscow, 1975–1976. Vol. 1–2.]
- Разрядная книга 1559–1605 гг. М., 1974. [Razryadnaya kniga 1559–1605 (The Book of "Razryad" 1559–1605). Moscow, 1974.]
- Разрядная книга 1475–1598 / Отв. ред. В.И. Буганов. М., 1966. [Razryadnaya kniga 1475–1598 (The Book of "Razryad" 1475–1598) / Ed. by V.I. Buganov. Moscow, 1966.]
- РК — Разрядные книги 1475–1605 гг. / Сост. Л.Ф. Кузьмина; под ред. В.И. Буганова. Т. 3, ч. 2. М., 1987. [Razryadnaya kniga 1475–1605 (The Books of "Razriad" 1475–1605) / Ed. by L.F. Kuzmina, V.I. Buganov. Vol. 3, pt. 2. Moscow, 1987.]
- Скрынников Р.Г.* Борис Годунов и царевич Дмитрий // Исследования по социально-политической истории России. Л., 1971. С. 190–191. [*Skrynnikov R.G.* Boris Godunov i tsarevich Dmitriy (Boris Godunov and Prince Dmitriy) // Issledovaniya po sotsial'no-politicheskoj istorii Rossii. Leningrad, 1971. P. 190–191.]
- Скрынников Р.Г.* Россия накануне «Смутного времени». М., 1981. [*Skrynnikov R.G.* Rossiya nakanune "Smutnogo vremeni". (Russia on the Eve of the Time of Troubles). Moscow, 1981.]
- СРЯ — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 3. М., 1976. [Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. (The Dictionary of Russian Language of the 11th–17th Centuries). Vol. 3. Moscow, 1976.]
- Флетчер Дж.* О государстве Русском. М., 2014. [*Fletcher J.* O gosudarstve Russkom (Of the Russe Common Wealth). Moscow, 2014.]

‘THE GREAT CRIMEAN KHAN HIMSELF IS COMING FOR WAR’:
THE CRIMEAN KHAN ĞAZI-GIRAY’S CAMPAIGN AGAINST MOSCOW
IN THE CONTEXT OF THE DYNASTIC CRISIS IN RUSSIA
IN THE END OF THE 16TH — BEGINNING OF 17TH CENTURY

The present study is devoted to the campaign of Crimean Khan Ğazi-Giray against Moscow in July 1591. The author describes the actions of the government of Tsar Fedor Ivanovitch in the field of organization of defense of the Capital City. The policy of Boris Godunov which aimed to attract people’s attention to his measures for protection of Moscow is thoroughly investigated in the context of rumors about the death of prince (*tsarevitch*) Dmitriy and the ‘treason’ of the Nagiye family. The author demonstrates how Boris Godunov achieved these goals under the dynastic crisis on the eve of ‘The Time of Troubles’ in Russia, rumors of his participation in the assassination of Dmitriy, accusations of organizing the Fire in Moscow in 1591 and the Crimean raid against the Russian Capital.

Keywords: Russia on the Eve of the ‘Time of Troubles’, Crimean Khanate, dynastic crisis, Boris Godunov, Crimean Khan Ğazi-Giray, raid to Moscow, the Fire of Moscow in 1591

DOI: 10.32608/1560-1382-2021-42-602-612